СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ | SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Сибирский федеральный университет»
660041, Красноярский край,
г. Красноярск, проспект Свободный, д. 79
телефон: (391) 244-82-13, тел./факс: (391) 244-86-25
http://www.sfu-kras.ru, e-mail: office@sfu-kras.ru
ОКПО 02067876; ОГРН 1022402137460;
ИНН/КПП 2463011853/246301001

10.10.2024 № б/п

на № _____ от _____

УТВЕРЖДАЮ
Проректор по учебной работе
ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет»
Денис Сергеевич Гуц

«10» 10 2024 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации на диссертацию Волкова Андрея Федоровича «Развитие системы пенсионного обеспечения в Дальневосточном регионе России (середина XIX века – начало XXI века)», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1. – Отечественная история (исторические науки)

Актуальность темы исследования А.Ф. Волкова не вызывает сомнения, поскольку связана со значимостью территории Дальневосточного федерального округа в XXI веке для современного российского государства. Изучение исторического опыта пенсионного обеспечения в дальневосточном регионе является важным как для исторической науки, так и для планирования социально-экономического развития региона в современных реалиях.

Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка источников и литературы, приложений. Однако сразу стоит отметить, что если первая глава охватывает исторический период более 150 лет, то вторая – период не более 25 лет, при этом вторая глава значительно превышает размер первой главы.

Работа построена с учетом целей и задач исследования и обеспечивает логическую последовательность в изложении хода и результатов иссле-

дования. Структура работы логична и полностью соответствует исследуемой проблематике. Во введении соискатель раскрывает актуальность темы, характеризует степень ее изученности, дает характеристику существующему состоянию исследования проблемы, показывает основные тенденции в исследовании темы. Впрочем, следует заметить, что историография советского этапа представляет собой не столько анализ, сколько обычный обзор, автор не дает внутреннюю логику этого этапа историографии. Для сравнения анализ историографии постсоветского периода дан гораздо лучше.

Также диссертант указывает объект и предмет исследования, цели и задачи, обозначает хронологические и территориальные рамки, раскрывает методологию исследования, описывает документальную базу исследования, формулирует положения, выносимые на защиту, указывает масштабы апробации.

Научная новизна диссертации определяется постановкой и решением сформулированных научных задач и заключается в проведении исторического анализа формирования, развития и модернизации государственной пенсионной политики на Дальнем Востоке России во взаимосвязи исторических и общественно-политических процессов развития и трансформации социально-экономического устройства страны, с детализацией событий конца XX – начала XXI веков на дальневосточных территориях России.

Анализ диссертации позволят сделать ряд выводов об определенных достижениях, сделанных А.Ф. Волковым. Так, интересной методологической находкой при рассмотрении истории пенсионного обеспечения является предлагаемая теория «регулярного государства». Автором используется значительный пласт нормативных актов Российской империи, Советского союза, Российской Федерации, проведен подробный анализ законодательно-нормативной базы пенсионного обеспечения.

В первом параграфе первой главы, посвященном формированию основ пенсионного обеспечения в Российской империи до 1917 г. автор

справедливо отмечает, что государство в XIX в. не было заинтересовано в расширении пенсионного обеспечения (с. 40). Он анализирует различные факторы (экономические, классовые) развития российского государства в дореволюционный период и делает важный вывод о том, что отсутствие пенсионного обеспечения и страхования рабочих стало одной из основных причин «обострения нужды и бедствий угнетенных классов», что привело к развитию революционных событий 1905–1917 годов.

Автором отмечена негативная историческая традиция российского социального страхования – практика постоянного невыполнения требований законодательства о страховании, в связи с чем вопросы о принципах создания и путях развития социального страхования в начале XX века находились в центре внимания многих политических партий, и социальное страхование занимало в программе РСДРП. Верным является замечание, что в первые десятилетия XX в. были приняты первые законы в области социального страхования, но их действие было ограничено только областями Европейской России и Кавказа (с. 54), а в отношении обеспечения нетрудоспособных крестьян вообще не было никаких законов. Низкий уровень зарплаты дальневосточных рабочих не позволял обеспечить приемлемый уровень пенсионных выплат, поэтому вместо пенсионных накоплений жители Дальнего Востока до старости работали на приусадебном участке, занимались сборами дикоросов, а также охотой и рыболовством.

При этом А.Ф. Волков справедливо отмечает, что «с развитием капиталистических отношений появилась острая необходимость защиты больших масс трудящихся от материальной необеспеченности в случаях наступления старости, при инвалидности, потери семьей кормильца. Но правящая элита... считала заботу о наемном работнике уделом... предпринимателя, не придавая большого значения» государственным мерам, а предприниматели не желали выстраивать эффективные системы социальной защиты наемных работников (с. 57). Эта тенденция стала определяю-

щей при рассмотрении «рабочего вопроса» в ходе революционных потрясений в России.

Во втором параграфе первой главы, характеризующем развитие советской системы пенсионного обеспечения и особенности ее реализации на Дальнем Востоке России подробно раскрыта организационная структура, основы финансирования пенсионной сферы как в Советском государстве в целом, так и на Дальнем Востоке с учетом специфики региона. При этом важно, что автор также затрагивает вопросы социальной политики ДВР в 1920–1922 гг. и место в ней пенсионного обеспечения.

Достоинством работы является то, что автор обращает внимание на деятельность дополнительных субъекты социальной защиты нуждающихся начала 1920-х гг. – комитеты помощи инвалидам войны (компомы) и крестьянские комитеты обществ взаимопомощи (кресткомы), говорит о специфике их деятельности на Дальнем Востоке, где они были объединены для оказания помощи инвалидам войны, подробно рассказывает об общественных инициативах, которые были призваны дополнить несовершенную систему социального обеспечения в 1920–1930-х гг. (с. 82–84).

Далее А.Ф. Волковым раскрыта роль общественных фондов потребления в развитии пенсионного обеспечения населения Дальнего Востока во второй половине XX в. Подробно изучена реализация пенсионной политики в отношении колхозников на Дальнем Востоке после реформы 1956 г. и постановления 1964 г., а также становление системы льгот и преодоление многочисленных проблем ее применения с учетом того, что она осуществлялась в районах, приравненных к Крайнему Северу. Автор диссертации отмечает сохранение в процессе получения пенсионных выплат неравенства при общей тенденции уравнительности. Еще одной заслугой А.Ф. Волкова является изучение в динамике вопросов пенсионного обеспечения коренных малочисленных народов в регионе.

Характеризуя особенности реализации пенсионных практик на Дальнем Востоке в советский период, диссертант также обращает внима-

ние на то, что структура пенсионного обеспечения формировалась на основе общероссийских закономерностей, но выделяет особенности региона – своеобразие социально-политического устройства, малочисленность заселенных территорий, слабое развитие промышленности – которые повлияли на включение в систему пенсионных выплат дополнительных материальных расходов.

Следует согласиться с выводами автора о том, что «массовая система пенсионного обеспечения была создана при значительно меньшем уровне общего благосостояния общества, чем в развитых странах мира», и что «как массовый социальный слой в нашей стране пенсионеры сложились именно в советский период» (с. 101). Не вызывает возражений и характеристика советской пенсионной системы с ее «исключительной надежностью», возможностью гарантировать стабильный доход независимо проблем экономической конъюнктуры или нестабильности финансовых институтов, а сама пенсионная политика была частью государственного курса по построению социалистического общества.

Вторая глава полностью посвящена развитию пенсионной системы на Дальнем Востоке России в постсоветский период. А.Ф. Волков подробно изучает становление пенсионного фонда РФ, его организационной структуры, принципов экономической и социальной деятельности, им выделены экономические и политические факторы, препятствовавшие генезису новой пенсионной системы в конце 1990-х гг., в частности, либерализация цен и гиперинфляция, обесценившая реальный размер пенсий. Справедливо суждение диссертанта о том, что продекларированные рыночные элементы страховой пенсионной системы фактически в 1990-х гг. были заменены привычными, основанными распределительными механизмами (с. 109).

Также в этой главе раскрыта специфика правовой неопределенности в управлении процессом пенсионного обеспечения населения в 1990-х – начале 2000-х гг., связанной с неправильно распределяемыми полномочи-

ями между центром и регионами по назначению и выплате государственных пенсий и пособий (с. 116–117). Можно согласиться с доводом автора, что реформы начала XXI века также не достигли поставленных целей, т.к. накапливаемые гражданами на пенсионных счетах суммы продолжали обесцениваться в результате неустойчивости российской экономики (с. 123).

В третьем параграфе второй главы подробно рассматривается региональная специфика Дальнего Востока и его экстремальные природно-климатические условия, повлиявшие на реализацию политики пенсионных льгот (с. 160-162). Обозначены все ключевые проблемы реализации пенсионного обеспечения в дальневосточном регионе и перехода к накопительной модели на основе персонификации сведений о трудовом стаже и уплаченных пенсионных взносах работающего населения: базовая часть пенсии не соответствовала размеру прожиточного минимума пенсионера; разные поколения граждан находились в неравных стартовых условиях по объему накопленных пенсионных прав; сохранялась проблема соответствия предшествующего заработка размеру пенсии; задолженность по выплате заработной платы и рост недоимок по уплате страховых взносов. Вполне естественным явлением в подобной ситуации, как верно отмечает А.Ф. Волков, стало увеличение численности работающих пенсионеров рост удельного веса численности работающих пенсионеров от их общей численности с 25,5 % в 2002 г. до 41,3 % в 2012 г. Безусловно, можно согласиться с автором в том, что диспропорция в соотношении значений средней заработной платы, пенсии и прожиточного минимума пенсионера свидетельствует о сохранении низкого качества жизни пенсионеров Дальнего Востока в начале XXI в. (с. 169–170).

Интересными являются суждения автора о том, что в результате реформирования пенсионной системы регулярно уменьшалась покупательная способность трудовых пенсий и происходило нарушение одного из базовых принципов пенсионного страхования – эквивалентности объема

уплаченных страховых взносов размеру получаемой страховой пенсии, что особенно остро это отражалось на дальневосточниках, чей уровень заработной платы был выше, чем у работников, занятых в других регионах РФ, а коэффициент замещения пенсией утраченного заработка ниже, чем в среднем, по России (с. 170). Все это свидетельствует о глубоком кризисе современной российской пенсионной системы, не создающей предпосылок для получения достойных пенсий населения Дальнего Востока, что, в свою очередь, снижает конкурентоспособность и социальную привлекательность региона (с. 180).

Основные выводы, сформулированные в заключении диссертации, являются обоснованными. Представленные результаты детального изучения регионального опыта реализации практик пенсионного обеспечения на Дальнем Востоке России в разные исторические периоды способствуют углублению и расширению проблематики дальнейших работ по вопросам истории пенсионной политики российского государства.

Суждения соискателя носят оригинальный характер. Поставленные соискателем исследовательские задачи выполнены, цель достигнута. Автор хорошо владеет языком, диссертация написана грамотно, читается легко и быстро, стиль и оформление в целом отвечают предъявляемым к научным работам требованиям, хотя порой автор отходит от научного стиля и использует некорректные публицистические обороты: «В.Л. Агапов приводит душераздирающую историю...» (с. 46); «Отшумели политические бури президентской выборной кампании 1996 года...» (с. 111.) и др.

Диссертантом проделана большая исследовательская работа по выбранной теме, привлечение разных групп источников позволило собрать интересный фактический материал по истории регионального пенсионного обеспечения. Среди прочих достоинств представленной работы также следует обратить внимание на составленный автором словарь основных терминов, поскольку исследование охватывает довольно продолжительный

исторический период, в разные периоды которого существовали разные дефиниции, имевшие отношение к пенсионному обеспечению.

Положительно оценивая диссертационную работу, необходимо сделать некоторые замечания и обозначить некоторые дискуссионные вопросы.

1. Основное замечание касается предлагаемых А.Ф. Волковым хронологических рамок исследования и периодизации становления и развития советской системы пенсионного обеспечения, которые, на наш взгляд, являются крайне дискуссионными.

Так, первый этап становления советской пенсионной системы автор ограничивает 1917–1935 гг. В то же время принятые в 1928 г. решения о введении пенсий по старости для промышленных рабочих имели историческое значение не только для нашей страны, но и для всего человечества, поскольку, во-первых, впервые в истории складывалась практика государственного пенсионного обеспечения по старости; во-вторых, принципы, которые вводило постановление от 5 января 1928 года во многом заложило основы будущей советской и постсоветской практики пенсионного обеспечения (в частности, установление возрастного ценза для получения пенсии мужчинами и женщинами, сохранившегося до 2018 г.). Представляется, что деление истории советского пенсионного обеспечения в первые десятилетия советской власти на периоды: 1) 1917-1928 гг. и 2) 1928-1936 гг. было бы более обоснованным.

Вызывает сомнение и хронологическая граница 1955 г., предлагаемая автором для разделения следующих этапов. Более аргументированным представляется начало нового периода в 1956 г., когда закон СССР «О государственных пенсиях» фактически установил всеобщее пенсионное обеспечение (большая часть исследователей традиционно с этим соглашаются), хотя окончательно всеобщее пенсионное обеспечение было юридически оформлено, как верно отмечает А.Ф. Волков, только в 1964 г., когда в список получателей пенсий наконец вошли колхозники – автор сам говорит о

том, что именно в этом году было завершено образование общегосударственной централизованной системы пенсионного обеспечения в СССР (с. 89). Поэтому целесообразными следует считать хронологическими рамками периода генезиса всеобщего, бесклассового пенсионного обеспечения 1936–1964 гг.

Полемическими являются и даты 1986 и 1990 г., предлагаемые автором для обозначения еще одного, завершающего периода советского пенсионного обеспечения. Как высказанные в 1986 г. предложения о модернизации пенсионной системы, так и закон «О пенсионном обеспечении граждан в СССР» 1990 г. не привели к качественным изменениям пенсионной системы, а ведь именно качественные преобразования являются основанием для выделения разных этапов. В связи с этим целостным этапом советского пенсионного обеспечения, который отличала стабильность в выплатах и реализации пенсионных законоположений, следует признать 1964–1991 гг.

То же самое касается периодизации истории постсоветской пенсионной политики России. Здесь А.Ф. Волков выделяет в качестве единого периода этап с 90-х годов XX века до 2015 года. В то же время очевидно, что период с 1992 по 1998–1999 гг. можно выделить в качестве самостоятельного, поскольку в этот период российское пенсионное обеспечение во многом представляло собой «остаток» советского, и только в 1998 г. предложенная С.В. Кириенко трехуровневая модель пенсионного обеспечения и Федеральный закон «Об основах обязательного социального страхования» обозначили переход к принципиально новой пенсионной системе. Тем более, и сам автор диссертации говорит о том, что первого этапа реформирования приходится на 1991–2002 годы (с. 126).

Очередной ключевой точкой в реформировании пенсионного обеспечения в РФ автор называет 2014 г. Позиция автора вполне аргументирована, однако стоит заметить, что вряд ли эти изменения коренным образом затронули всю пенсионную модель и, тем более, население всей страны.

Чего нельзя сказать о 2018 г., когда повышение пенсионного возраста стало поворотным историческим событием в истории пенсионного обеспечения в стране с 1928 г., поэтому верхней границей и в периодизации постсоветской истории пенсионного обеспечения и диссертации в целом следует признать 2018 г.

Также значимыми, с нашей точки зрения, были изменения, связанные с «отказом» от бальной шкалы на современном этапе развития пенсионной системы, изменения срока выхода на пенсию, «заморозка» и отказ «от заморозки» индексации пенсии работающим пенсионерам, изменения границ Дальневосточного федерального округа (включение в его состав новых регионов из состава Сибирского федерального округа), объединение в 2023 г. Пенсионного фонда России и Фонда социального страхования в Социальный фонд России.

2. Можно ли говорить о **системе** государственного пенсионного обеспечения применительно к XIX веку? Деятельность Александровского комитета относится благотворительности императорской семьи, но никак не является государственной деятельностью.

Также автор утверждает, что в России в XIX в. был создан «казенный централизованный государственный пенсионный фонд», но существовала ли на самом деле такая структура, как «пенсионный фонд»?

Помимо этого, А.Ф. Волков сводит отсутствие пенсионной системы к «несформированности пролетариата и наличию у него связи с деревней» (с. 58), что в полной мере не доказано, так как тесная связь рабочего и с деревней зачастую сохранялась и в дальнейшем, в течение всего советского периода.

3. Автор говорит о повышении размеров пенсии и увеличении численности пенсионеров в XIX в., но не анализирует, какова была ее реальная покупательная способность. Размеры пенсии составляли от 3 до 8 руб. в месяц, но, к примеру, в Сибири даже содержание пожилого человека в богадельне составляло около 6 руб., поэтому вряд ли дореволюционная

пенсия действительно была «достойным пожизненным содержанием». Автором мягко сказано о том, что «абсолютная монархия не торопилась выстраивать адекватные системы защиты наемных работников», но следует сделать полноценное заключение о том, что государственная власть была неспособна к решению актуальных задач социального страхования, выполнение которых несколько десятилетий требовала модернизация российского общества.

4. На с. 48 автор пишет об эмеритальной пенсионной системе и отмечает, что она «основана на страховом принципе формирования». Чем тогда эта система отличалась от непосредственно страховой, которая существовала, например, на железных дорогах (с. 51)? В чем была принципиальная разница между эмеритальными и страховыми кассами?

А.Ф. Волков говорит о том, что эмеритальная система дала «возможность охватить пенсионным обеспечением не только военных и гражданских служащих, но и всех желающих обеспечить себя и членов своих семей». Однако вряд и подобное утверждение можно считать верным, ведь эмеритальная система действовала только в отношении чиновников, а на другие слои, в частности, представителей рабочего класса, не распространялась, поскольку изначально сторонниками ее введения этого и не предполагалось. Об этом подробно можно прочитать в работах Г.П. Дегтярева, посвященным развитию законоположений по пенсионному обеспечению, пенсионным накоплениям и основным пенсионным моделям в дореволюционной России, опубликованных в 2001 г. в журнале «Русский полис» (увы, эти труды в сферу внимания автора не попали).

5. В параграфе 1.2. в разделе, посвященном становлению пенсионного обеспечения в стране в первые десятилетия советской власти А.Ф. Волков, к сожалению, не указал взаимосвязь проводимой социальной политики с идеологическим и классовым характером деятельности государства. В частности, отсутствие системы социального обеспечения крестьян он объясняет отсутствием «возможности обеспечить их из общегосударственных

финансовых средств» (с. 65). Между тем, очевидно, что причинами было то, что для советского государства в соответствии с пролетарской идеологией приоритетной в этот период была помощь и поддержка рабочего класса, а крестьянство с его «мелкобуржуазным» характером долгое время испытывало недоверие со стороны советской власти. В то же время исследование пенсионного обеспечения самого крестьянства автором не проведено.

6. Раздел, посвященный развитию пенсионного обеспечения в годы Великой Отечественной войны, получился недостаточно аналитическим, представляя собой в большей степени описание материальной поддержки разных категорий населения. Диссертант приводит подробную интересную статистику, однако не говорит ни о специфике пенсионного обеспечения на Дальнем Востоке в период 1941–1945 гг. (а в ведь в этот период появляется новая категория получателей пенсии – инвалиды Отечественной войны), ни о том, насколько эффективной была оказываемая помощь в условиях сокращения финансирования социальной сферы.

7. К сожалению, А.Ф. Волков не проводит сравнительного-исторического анализа как в отношении трех этапов развития пенсионной системы, так и в отношении региональных различий, практически не сопоставляя пенсионную систему Дальнего Востока с другими регионами, например, с Сибирью. Так, например, на с. 92 представлена таблица «Средний размер ежемесячных пенсий и коэффициент замещения на Дальнем Востоке РСФСР в 1965–1985 годах». Но подобные сведения целесообразно сопоставлять не только с общими данными по РСФСР, но и с другими регионами с «тяжелыми условиями» труда и быта, где государство использовало те же инструменты – к примеру, с Красноярским краем, где в это время осуществлялась реализация «десятилеток», которые стимулировали опережающее социально-экономическое развитее этого региона, с регионами Западной Сибири – являющиеся значимым энергетическим центром страны.

8. Анализируя постсоветский период пенсионного обеспечения, соискатель не затронул вопросы, связанные с функционированием негосударственной пенсионной системы в Российской Федерации.

На с. 108 автор некорректно возлагает всю полноту ответственности за провал социально-экономических реформ на Е.Т. Гайдара, но подобное суждение требует аргументации, изучения трудов самого политика, специалистов в области экономической истории.

Часть исследования составляет информационно-справочный материал о территориальных органах пенсионного обеспечения на Дальнем Востоке и лицах, эти органы возглавлявших, который вряд ли имеет историческую ценность без анализа деятельности органов и людей, к ним причастных, который начинается только со с. 148.

9. Говоря о становлении и развитии пенсионного обеспечения в стране и на Дальнем Востоке в советский и постсоветский периоды, диссертант, к сожалению, упустил из виду отношение самого населения к проводимым в этой области реформам. Всего один раз встречается упоминание о необходимости «отслеживания уровня восприятия обществом проводимых модернизаций пенсионной системы страны» (с. 151). Автор остановился на том, рассказал о несогласии граждан с размером районного коэффициента в Нерюнгри, а дальше ограничился перечислением мер информационно-разъяснительного характера со стороны пенсионных органов. Вообще, пенсионеры, ради которых и должны работать органы, отвечающие за их материальное благополучие, «исчезли» из исследования – оценка пенсионных практик населением частично представлена только при изучении дореволюционного периода.

10. Существует определенное противоречие между положениями №3 и 4, выносимыми на защиту. Не отрицая тезиса об отсутствии региональной стратегии, обозначенной в тезисе №4, с нашей точки зрения автор допускает логическое противоречие со своей же позицией, обозначенной в тезисе №3, где говорит о задачах по реформированию пенсионной систе-

мы, так как заявленный принцип многоуровневой пенсионной системы не предполагал формирование «региональной стратегии», вследствие чего критика государственной пенсионной политики за ее отсутствие кажется чрезмерной.

11. Выводы в заключении не вызывают принципиальных возражений. А.Ф. Волков обоснованно замечает, что именно государство, как исторически важный субъект в проведении пенсионной политики, призвано сделать все, чтобы создать благоприятное социальное самочувствие населения в Дальневосточном регионе России. Вызывает сожаление тот факт, что автор ограничился констатацией не требующей доказательства истины, что «система пенсионного обеспечения дальневосточников играет важнейшую роль в общей пенсионной политике России» (с. 187), не сказав об исторической значимости пенсионного обеспечения на протяжении всего исследуемого им периода с XIX по XXI вв.

12. Присутствуют отдельные ошибки в оформлении списка литературы. Так, в перечне «Монографии и сборников трудов» автор ошибочно указал несколько учебных изданий (п. 256, 307), при этом некоторые из них активно используются в работе, на их основе составлено несколько приложений, хотя учебники и учебные пособия, как известно, научными трудами не являются.

В конце списка использованных источников и литературы приведены «электронные ресурсы», но хранение источников либо литературы в сети интернет не является квалифицирующим их по виду признаком, поэтому их следовало бы разместить в разделе «Исследования: Статьи». Например, в случае с п. 496 работа С.А. Нефедова должна быть оформлена как опубликованная статья, а не как самостоятельный электронный ресурс.

Высказанные замечания не снижают общей положительной оценки диссертации А.Ф. Волкова и не умаляют достоинств проведенного исследования. Содержание диссертации соответствует Паспорту специальностей ВАК при Минобрнауки России по специальности 5.6.1. Отечествен-

ная история (исторические науки). Автореферат адекватно отражает содержание диссертации. Основные положения работы отражены в 30 публикациях автора, из них 4 – в изданиях из рекомендованного списка ВАК. Материалы и выводы исследования апробированы на конференциях всероссийского и международного уровня.

Диссертация Андрея Федоровича Волкова представляет собой завершенную научно-исследовательскую работу на актуальную тему, результаты, полученные диссертантом, имеют существенное значение для исторической науки, выводы достаточно обоснованы. Работа отвечает требованиям п. 9-14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. (в ред. от 25.01. 2024 г.), предъявляемым к кандидатским диссертациям, а ее автор Андрей Федорович Волков заслуживает присуждения степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1. – Отечественная история (исторические науки).

Отзыв подготовлен доктором исторических наук, доцентом А.С. Ковалевым, кандидатом исторических наук, доцентом О.И. Савиным, кандидатом исторических наук, доцентом Р.В. Павлюкевичем и обсужден на заседании кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций 2 октября 2024 г., протокол № 2.

Заведующий кафедрой
истории России, мировых
и региональных цивилизаций,
доктор исторических наук, доцент
07.00.02 – Отечественная история Гергилев Денис Николаевич

ФГАОУ ВО СФУ
Подпись Гергилева Д.Н. заверяю
Делопроизводитель
«10» октября 2024 г.

ОБЩИЙ ОТДЕЛ